

На правах рукописи

Клинова Марина Александровна

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ РСФСР (1946–1956 ГГ.)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2020

Работа выполнена на кафедре истории и философии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

Научный консультант: **Трофимов Андрей Владимирович**,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна**,
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»;

Лейбович Олег Леонидович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры»;

Твердюкова Елена Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук» (ИРИ РАН).

Защита состоится «06» июля 2020 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1001).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата размещен на официальном сайте Института истории и археологии УрО РАН по адресу: <http://www.ihist.uran.ru/diss/info/>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук
доцент

Л.А. Дашкевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исторического исследования экономических стратегий городского населения определяется процессами, происходящими в современной исторической науке – смещением акцента с истории власти и хозяйства и их проекции на «массы», к изучению человека как актора с его системой суждений и ценностей, определяющей вектор деятельности в социальной среде. Проблематика экономических стратегий горожан РСФСР 1946–1956 гг. не являлась ранее объектом самостоятельных исторических исследований, направленных на выявление специфики их политико-экономического, идеологического формирования, изучение динамики реализации. Актуальность научного осмысления данного фрагмента исторического опыта связана с проблемой оценки возможностей и пределов политико-экономического формирования деятельностных стратегий граждан, выявления специфики функционирования механизмов самоорганизации экономического пространства, существующих и «включающихся» в социуме в кризисные периоды.

Объектом исследования выступает городское население РСФСР 1946–1956 гг.

Предметом исследования являются: государственное политико-правовое регулирование экономического поведения горожан в сферах труда и материального потребления; репрезентация в дискурсе СМИ стандартов и девиантных экономических проявлений городского населения; модели реализации экономических стратегий в среде городского социума РСФСР в период 1946–1956 гг.

В диссертации под экономическими стратегиями понимается деятельность граждан, являющаяся следствием рационального выбора, обусловленного политико-экономическими и правовыми реалиями, состоянием экономического сознания, традициями и социальными стереотипами индивидов и групп, реализуемая в социально-экономической сфере (системе экономических и социальных институтов, практиках повседневной экономической дея-

тельности). При характеристике экономической деятельности населения в работе использовался и термин «практика», более узкий в сравнении с понятием «стратегия», обозначающий конкретные деятельностные проявления граждан.

Среди многообразия экономических проявлений граждан в диссертации рассмотрены: трудовая деятельность, материальное потребление, девiantные экономические стратегии.

Под городским населением понимаются жители городских населенных пунктов (городов и поселков городского типа)¹. Сфокусировав внимание на анализе экономических стратегий горожан, диссертант исходил из того, что, во-первых, экономические практики городского и сельского населения отличались, определяясь спецификой государственного экономического регулирования (система снабжения, политика доходов и т.п.) и уровнем развития инфраструктуры. Во-вторых, в результате происходивших во второй половине 1940-х–1950-х гг. в СССР модернизационных процессов росло количество горожан, составившее в 1959 г. в РСФСР 52,4% от общей численности населения республики², формировался городской образ жизни, городские стандарты потребления презентовались в качестве эталонных. В-третьих, в русле советской социально-экономической политики, нацеленной на создание индустриального общества, последствия социального регулирования наиболее ощутимо сказывались на городском социуме. Государственное регулирование экономических стратегий горожан наиболее полно отражает направленность и специфику реализации советского социального проекта.

Хронологические рамки исследования – 1946–1956 гг. детерминированы содержанием и спецификой политико-экономических мероприятий, касающихся экономических стратегий горожан. Нижняя граница определяется принятием четвертого пятилетнего плана, в котором артикулировались зада-

¹ География. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под редакцией проф. А.П. Горкина. М., 2006. С. 104.

² Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 12.12.2019)

чи послевоенного восстановления страны, определившие векторность последующего политико-правового и идеологического регулирования экономических стратегий горожан. Верхняя граница периода обусловлена принятием комплекса правительственных мероприятий, касающихся проблематики трудовой деятельности (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины») и материальных доходов горожан (Постановление Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС от 8 сентября 1956 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1956 г. «О повышении размера необлагаемого налогами минимума заработной платы рабочих и служащих»; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза»). Данные мероприятия скорректировали экономическое и правовое поле, в рамках которого формировались экономические стратегии горожан, что повлияло на специфику их реализации.

Середина 1950-х гг. определяется в качестве рубежа советской социальной истории многими отечественными исследователями, как граница между «чрезвычайным» и «нормальным» периодом советской жизни¹.

Изучение экономических стратегий городского населения в хронологических рамках 1946–1956 гг. позволяет проследить их эволюцию, обусловленную влиянием импульсов различной природы: мер государственного нормативно-правового, идеологического и экономического воздействия, стандартов качества жизни горожан, трансформирующихся в результате динамики модернизационных процессов.

Территориальные рамки исследования определяются границами РСФСР, что обусловлено сравнительным количественным превалированием

¹ Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 61; Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 12.

городского населения в республике, относительной гомогенностью экономических стратегий граждан. Хотя при изучении данной темы привлекались и материалы общесоюзного уровня – Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления Совета Министров СССР и т.п., действие которых распространялось на все население страны.

Целью исследования является выявление специфики политико-экономического, идеологического, информационного формирования и реализации экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг.

Достижение цели, поставленной в диссертации, возможно при решении ряда конкретных **задач**:

- оценить степень изученности проблемы в отечественной и зарубежной историографии;
- определить круг исторических источников исследования, их информационный потенциал;
- изучить специфику государственного регулирования кадровых проблем в городской среде (дефицита и текучести кадров, штатов предприятий и учреждений) в период послевоенного десятилетия;
- проанализировать механизмы повышения производительности труда городского населения РСФСР, применяемые в период 1946–1956 гг.;
- выявить особенности политико-правового регулирования девиантных экономических стратегий горожан, реализуемых в сфере труда и материального потребления в послевоенное десятилетие;
- проанализировать мероприятия и результаты государственной политики, проводимой в 1946–1956 гг. в сфере заработной платы и материального потребления городского населения РСФСР;
- изучить специфику политического регулирования жилищных проблем, сферы индивидуальной трудовой занятости и личной собственности горожан в период 1946–1956 гг.;

– установить динамику изменения стандартов труда и потребления (эталонов и девиаций) городского населения РСФСР, декларируемых в общественном информационном пространстве и СМИ 1946–1956 гг.;

– выявить и охарактеризовать модели риторики трудовой мобилизации горожан, презентуемые на страницах печатных СМИ послевоенного десятилетия;

– выделить основные поведенческие модели, реализуемые городским населением РСФСР в сферах труда и материального потребления, проследить эволюцию деятельностных проявлений горожан в рамках периода 1946–1956 гг.;

– выявить динамику и степень обусловленности экономических стратегий горожан политико-идеологическими и экономическими императивами, импульсами, исходящими из правовой сферы, модернизационными процессами, традициями и социальными стереотипами.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Экономические стратегии горожан в послевоенное десятилетие были детерминированы комплексом факторов различного генезиса, содержательно разнящихся между собой.

– В период 1946–1956 гг. целеполагание и инструментарий государственного регулирования экономических стратегий горожан менялись в зависимости от специфики и содержания реализуемых экономических моделей развития государства.

– В рамках мобилизационной экономической модели, действовавшей в военный период и сохранившейся в послевоенные годы, практики социально-экономического регулирования характеризовались широким использованием внеэкономических методов решения кадровых проблем и стимуляции труда населения, сохранением «ставки на сильных» в политике оплаты труда, усилением репрессивных законодательных мер в отношении лиц, совершивших экономические преступления, а также осуществлением политики «экономии» за счет населения.

– В конце 1940-х – начале 1950-х гг. вследствие достижения определенных задач восстановительного периода, а также наличия существенных издержек в системе трудовой мобилизации и низкой эффективности репрессивных мер контроля трудовой дисциплины, фиксируется снижение мобилизационного режима в практиках государственного регулирования экономических стратегий горожан.

– Последовательный и радикальный отказ от мобилизационных методов регулирования экономических стратегий горожан, а также общее изменение акцентов в социальной политике происходит в период 1953–1956 гг.: были отменены репрессивные санкции в отношении нарушителей трудовой дисциплины, снижен уровень дифференциации в оплате труда горожан, расширен ассортимент производимых товаров и услуг и пр.

– Конструирование экономических стратегий горожан осуществлялось и посредством информационного воздействия, реализуемого через тексты и визуальные образы СМИ. Презентуемая на страницах отечественных печатных периодических изданий модель «правильной» трудовой деятельности городского населения (включающая в себя мотивацию, трудовые практики, вознаграждение труда), конструировалась посредством лексем различного генезиса, а ее сектора были не в равной степени актуализированы на страницах прессы центрального, областного, городского и заводского уровня. Критика экономических девиаций горожан реализовывалась как в серьезном, назидательном ключе, так и в сатирической форме, при превалировании сюжетов, посвященных нарушениям, фиксируемым в системе «человек–государство», нежели допущенным в системе «человек–человек», а также большей выраженности критики нарушений, допущенных руководителями предприятий и организаций.

– Имплицитная пропагандистская риторика трудовой мобилизации городского населения РСФСР, презентуемая на страницах прессы, реализовывалась в русле трех моделей: «труда–подвига», «труда–вознаграждения» и «трудовой демобилизации» (последовательно сменявших друг друга в рам-

ках исследуемого периода), содержание которых отражало специфику государственного социально-экономического регулирования, коррелировало с динамикой модернизационных процессов.

– Содержание стандарта потребления, конструируемого в отечественном информационном дискурсе 1946–1956 гг. не было константным. Во второй половине 1940-х гг. в медийном пространстве одновременно артикулировались две модели потребления, ориентированные на различные слои городского социума: «будущего благосостояния» (адресатом которой являлись широкие слои горожан) и «элитарного потребления» (в которой сохранялись элементы концепции «культурности» второй половины 1930-х гг.). В первой половине 1950-х гг. в советском информационном пространстве оформляется новая модель потребления – «осуществленного благосостояния», отличающаяся большим демократизмом презентуемых потребительских стандартов, популяризацией практик потребления.

– Экономические стратегии горожан, рассматриваемые в контексте трех выделенных моделей: перфекционистской, адаптивной и девиантной, имели динамику интенсивности деятельностных проявлений, фиксируемую в границах исследуемого периода. Вследствие положительной динамики уровня жизни, произошедшего в 1950-е гг., снижается количественная выраженность девиантных, а также экстремальных адаптивных проявлений в среде горожан. Нормализованные формы адаптивных стратегий сохраняются, фиксируется позитивная динамика изменения рациона питания и покупательской активности городского населения. Вследствие корректировки политики оплаты труда, а также ослабления интенсивности пропагандистской мобилизационной риторики снижается выраженность проявлений перфекционистской экономической стратегии в городском социуме.

– Экономические стратегии горожан в первое послевоенное десятилетие были в значительной степени детерминированы импульсами политико-идеологического, экономического и правового характера, определявших восребованность горожанами тех или иных деятельностных практик. Вектор-

ность экономических стратегий горожан не всегда соответствовала властным императивам, осуществляясь посредством устоявшихся и актуализированных практик, находящихся как в правовом поле, так и за его пределами.

Научная новизна работы определяется самой постановкой изучаемой проблемы – в центре исследования находятся экономические стратегии горожан РСФСР, рассматриваемые с учетом динамики их направленного формирования (посредством экономического, политико-правового регулирования, информационного воздействия печатных СМИ) и эволюции практической реализации в послевоенное десятилетие. Сочетание оптик различных методологических подходов, также определяющее новизну работы, позволило показать, что экономические практики населения были детерминированы комплексом факторов различного генезиса, не всегда корреспондирующих друг с другом. Среди факторов, определяющих новаторский характер работы, можно отметить комплексный анализ проблематики материальных доходов горожан, реализованный в русле авторской методики, учитывающей динамику различных составляющих доходов – премий, окладов, компенсирующих выплат. Впервые был предпринят анализ политического дискурса послевоенного десятилетия, направленный на выявление идеологем (их содержания и коннотаций), отражающих перспективы развития и специфику реализации «правильных» экономических стратегий населения. Была разработана качественно-количественная методика изучения имплицитной риторики печатных СМИ, направленной на трудовую мобилизацию городского социума; выявлены модели риторики трудовой мобилизации, презентуемые на страницах СМИ 1946–1956 гг. Новизна исследования определяется детальным изучением эволюции стандартов и девиантных форм потребления горожан 1946–1956 гг., реализованным на базе источников, не являвшихся ранее объектом исторических разработок (карикатур, плакатов, модных образов, газетной рекламы), а также посредством контент-анализа текстов периодических изданий. В рамках работы над диссертацией была предложена система изучения экономических стратегий горожан, путем выделения трех моделей

их реализации (перфекционистской, адаптивной и девиантной), что также определяет новизну исследования. Подавляющее большинство источников, использованных в исследовании, либо впервые привлекается для изучения темы экономических стратегий горожан, либо анализируется с помощью альтернативных методик, рассматривается в новом контексте.

Практическая значимость исследования связана с проблемой оценки возможностей формирования и корректировки властью (посредством социально-экономических мероприятий, права и пропагандистских инструментов) экономических стратегий населения, а также выявления наиболее инертных и динамично трансформирующихся элементов поведенческих моделей граждан. Итоги данного междисциплинарного исследования будут способствовать активизации процессов интеграции социально-гуманитарных дисциплин, актуализируя вектор перспективных разработок изучения социальной истории. Предложенная методика анализа материалов периодических изданий, а также система интерпретации полученных данных, может быть использована при работе с печатными СМИ других исторических периодов. Материалы диссертационной работы могут быть использованы в процессе преподавания курсов «История», «Отечественная история», а также в качестве материалов для эмпирических разработок по проблематике государственного регулирования экономических стратегий граждан, специфике их реализации в условиях кризиса, ведущихся в рамках социологических, экономических, культурологических исследований.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается следованием основным принципам исторической науки, широким кругом источников, привлеченных в исследовании, содержащих значительный объем фактологического материала, а также применением методов, соответствующих поставленным в работе целям и задачам.

Основные положения и результаты исследования были изложены в 2 авторских монографиях и 45 научных работах, в том числе 20 статьях, опубли-

ликованных в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК. Общий объем публикаций диссертанта – 67,53 п.л. Основные положения работы представлялись в виде докладов и сообщений на 17 конференциях: 10 международных конференциях (2012 – Каменск-Уральский, 2014, 2016, 2017, 2019 – Екатеринбург, 2012, 2014 – Пенза, 2016 – Смоленск, 2018 – Чебоксары), 3 всероссийских конференциях с международным участием (2018, 2019 – Екатеринбург), 4 всероссийских конференциях (2006, 2018 – Екатеринбург, 2013 – Пермь, 2016 – Альметьевск). Результаты научно-исследовательских изысканий внедряются в учебный процесс в Уральском государственном экономическом университете.

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования. Она состоит из введения, семи глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, трех приложений, включающих: 30 таблиц; 15 графиков; 52 иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы цель и задачи, определены научная новизна и практическая значимость диссертации, приводятся положения, выносимые на защиту и сведения о достоверности и апробации результатов работы.

В **первой главе «Историография, методология и источники исследования»** проанализирована историография темы, рассмотрена источниковая база исследования, обозначена методология работы и методы исследования.

В **первом параграфе «Историография темы»** осуществлен анализ научной литературы по теме исследования.

Проблематика экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг. не являлась ранее объектом самостоятельного исторического исследования, но отдельные аспекты данной темы получили рассмотрение в

отечественной и зарубежной историографии. В отечественной историографии можно выделить два этапа – советский и современный, рубеж которых определяется концом 1980-х – началом 1990-х гг.

В рамках советской историографической традиции проблематика экономических стратегий горожан не являлась объектом активного научного поиска, что было обусловлено спецификой господствующей методологии, ориентированной на изучение объективных явлений действительности, ситуации устойчивости и стабильности¹. Население рассматривалось как «объект» социально-экономической политики, принимая некоторые акторные черты лишь в ракурсе изучаемой в советской историографии трудовой деятельности (социалистических соревнований, стахановского движения²), а также противозаконных экономических деяний – хищений, спекуляции и пр. (которые изучались в работах правоведов, посвященных деятельности отечественных правоохранительных органов³).

Проблематика оплаты труда горожан рассматривалась в работах советских обществоведов в русле материального стимулирования труда⁴, а также в контексте роста благосостояния граждан⁵. В советском дискурсе не фигурировало определение «городского населения», общепринятым было структурирование советского социума по классовому принципу.

Историческому осмыслению проблематики оплаты труда рабочего класса в послевоенные годы посвящены работы Б.И. Гвоздева, Б.Н. Казанце-

¹ Трофимов А.В. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945-1964 гг.) в историческом дискурсе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 64.

² Евстафьев Г.Н., Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества, М., 1952; Социалистическое соревнование в СССР. 1918–1964, М., 1965 и др.

³ Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею // Советское государство и право. М., 1959. № 3. С. 85–98; Гранат П.Л. Социалистическая законность в деятельности внутренних дел. М., 1985 и др.

⁴ Вопросы методологии изучения и измерения производительности труда. М., 1956; Хейнман С.А. Организация производства и производительность труда. М., 1961.

⁵ Бузляков Н.И., Майер В.Ф. Повышение уровня жизни советского народа. М., 1965; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960 и др.

ва, В.С. Лельчука, М.И. Хлусова и других авторов¹. Данная проблема рассматривалась на региональном материале². Вне зависимости от ракурса рассмотрения темы (исторического, экономического), авторы отмечали непрерывное увеличение доходов горожан в 1946–1956 гг. Денежная реформа и отмена карточек 1947 г., снижения цен 1947–1954 гг.³ рассматривались как мероприятия, способствовавшие росту покупательной способности граждан. В исторических и экономических разработках акцентировалась динамика темпов роста потребления товаров и услуг в годы послевоенного десятилетия⁴.

Активно изучались потребности населения⁵. Понимание потребностей через «историчность», «рациональность», «коллективность» и «предельность» привели к поиску фиксированного оптимального объема потребления – в середине 1950-х гг. в СССР начались разработки норм рационального потребления товаров⁶, велись исследования покупательского спроса граждан⁷.

В целом, в советской историографии был накоплен существенный эмпирический материал, отражающий количественное измерение проблематики экономических стратегий горожан (преимущественно рабочих) 1946–1956 гг.

¹ Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) // Вестник МГУ. М., 1971. № 5. С. 3–14; Казанцев Б. Н. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. // История СССР. 1966. № 3. С. 25–40; Хлусов, М.И. Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. М., 1977; Лельчук В.С. Сменив мечи на орала. Рассказ о 4-й пятилетке (1946–1950). М., 1967 и др.

² Дмитриев А.В. Материально-бытовое положение рабочих машиностроения Среднего Урала в четвертой пятилетке // Рабочий класс Урала 1937–1975. Свердловск. 1979. С. 21–30; Букин С.С. Жизненный уровень рабочего класса в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1945–1950. Новосибирск, 1972 и др.

³ Орлов Я.Л. Личное потребление и товарооборот // Советская торговля. 1954. № 2. С. 23–37; Россинский М.Б. Некоторые вопросы расширения производства товаров народного потребления и улучшение бытового обслуживания населения (на материалах Башкирской АССР) // Вопросы экономики промышленности. Свердловск, 1963. С. 37–54 и др.

⁴ Тарасов М.П. Забота партии и правительства о подъеме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. М., 1950; Зинин В.Г., Январев В.А. Доходы и потребление населения: динамика и структура. М., 1973; Губарева О.Е. Источники роста народного благосостояния в СССР. М., 1968; Матюха И.Я. Статистика жизненного уровня населения. М., 1973 и др.

⁵ Баранова Л.Я. Личные потребности. М., 1984; Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975; Радаев В.В. Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970 и др.

⁶ Васильев А. Правильно определять потребность населения в овощах // Советская торговля. 1958. №1. С. 17–20; Корнеев А. М. Текстильная промышленность и пути ее развития. М., 1957; Струмилин С.Г. К вопросу об измерении народного благосостояния // Вестник статистики. 1954. № 5. С. 20–31 и др.

⁷ Абаянцев М. Наш опыт изучения спроса покупателей // Советская торговля. 1952. № 3. С. 10–14; Штейн Э. И. Изучение покупательского спроса населения на основе учета продажи товаров // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956. С. 34–56 и др.

(объемы потребления и доходов, проявления трудовой активности и пр.). Социально-экономические мероприятия правительства оценивались в положительном ключе, признавалась их направленность на повышение уровня жизни горожан.

На современном историографическом этапе, в связи с расширением возможностей исследовательского поиска (увеличением и обновлением источниковой базы и методов исследований, снятием идеологического контроля и расширением методологического инструментария), экономические стратегии горожан 1946–1956 гг. получают новый ракурс рассмотрения. Появляются исследования, направленные на реконструкцию исторического контекста социально-экономической политики послевоенного десятилетия¹, характеристика которой определяется, в том числе, приверженностью авторов к различным теоретико-методологическим моделям исторического анализа: модернизационной², либеральной³.

Проблематика материального благосостояния и уровня жизни горожан 1946–1956 гг. получила рассмотрение на общесоюзном⁴ и региональном материале⁵. Авторы отмечают положительную динамику уровня жизни горожан, (рост уровня потребления продовольственных и промышленных товаров, доходов и заработной платы и пр.), определяя период наиболее масштабных позитивных перемен в уровне жизни городского населения серединой 1950-х гг.

¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Ханин Г.И. Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль – XXI. 2003. №№ 8, 9, 12; Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М., 2014; Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933-1952. London, 1980; Nove A. An Economic History of the USSR. London, 1992 и др.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993 и др.

³ Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000; Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76 и др.

⁴ Пыжиков А. В. Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.) // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 136–145; Зубкова Е.Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 92–104 и др.

⁵ Туриянова О.Н. Социально-бытовые условия жизни городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945–1953 годы) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 9. С. 82–88; Мамяченков В.Н. Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946–1950) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 5 (106). С. 58–70; Ващук А.С., Слабнина, Д.А. Стратегии благосостояния, реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992; Мартюшов Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955-1985 годах. Екатеринбург, 1999 и др.

В разработках отечественных и зарубежных исследователей проанализированы отдельные аспекты послевоенной социально-экономической реальности: функционирование карточной системы¹, причины и последствия голода 1946–1947 гг.², механизмы реализации денежной реформы 1947 гг.³ и т.п. В рассмотрении данных проблем авторы уделяют значительное внимание социальным последствиям проводимых правительственных мер.

Количественные проявления трудовых нарушений горожан и специфика борьбы с ними рассмотрены в отечественной историографии и работах зарубежных исследователей⁴. Получили рассмотрение вопросы проведения в послевоенный период кампаний по борьбе с нищенством и бродяжничеством⁵, с экономическими преступлениями (спекуляцией, коррупцией, предпринимательством и пр.⁶). Рассматривая различные аспекты послевоенных кампаний, авторы приходят к выводу о том, что их жертвами в подавляющем большинстве оказались рабочие, служащие, крестьяне, в то время как в отношении власть имущих горожан применялись менее суровые санкции.

Проблематика социальных протестов горожан, причиной которых являлись перебои в продовольственном снабжении, повышения норм выработки, снижения расценок, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и

¹ Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42; Егоров С.Г. Послевоенная отмена карточной системы и ее социально-экономическая эффективность в городах Кировской области // Известия РГПУ. 2008. № 73. С. 187–191.

² Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // Отечественная история. 1991. № 5. С. 3–19; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947: происхождения и последствия. М., 1996; Шалак А.В. К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. // Историко-экономические исследования. 2009. № 2. С. 100–108 и др.

³ Слостнев С.Б. «А сейчас всех выровняют». Денежная реформа и отмена карточной системы на Среднем Урале. 1947–1948 гг. // Веси. 2014. № 8. С. 105–115; Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М., 2018 и др.

⁴ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 45–54; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны М., 2011; Fitzpatrick Sh. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945-1953 // The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985 и др.

⁵ Зубкова Е.Ю. С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР // Charies du monde russe. 2008. № 49/2–3. С. 441–474; Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 219–254 и др.

⁶ Бурчак В.Я. Деятельность подразделений милиции по борьбе с имущественными преступлениями и спекуляцией в Кемеровской области в 1943–1953 годах // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). С. 198–202; Осипов В.А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири). Кемерово, 2003; Верг. Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2010. № 2. С. 88–99; Solomon P. Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, 1996 и др.

т.п., рассмотрена в работах А.И. Прищепы, В.Н. Мамяченкова, С.В. Горшкова, Н.Н. Попова и других исследователей¹.

Не теряет своей актуальности сегодня проблематика трудовой активности горожан в первые послевоенные годы². В качестве нового направления исследований можно отметить изучение трудовой мотивации граждан³.

В историко-демографических разработках Н.А. Араловец, В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова, В.П. Попова⁴ проанализированы формы, векторность и масштабы миграций послевоенного периода, являвшихся следствием государственной политики, направленной на решение кадровых проблем промышленных предприятий РСФСР.

Актуальным направлением исследований является изучение общественных настроений послевоенного советского социума. Данная тема, начало которой было положено в 1990-е гг. в работах Е.Ю. Зубковой⁵, разрабатывается сегодня на общесоюзном и региональном уровне⁶, с привлечением материалов писем и жалоб граждан, а также документов партийных и право-

¹ Горшков С.В., Попов Н.Н. Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург. 2000. С. 123–125; Мамяченков В.Н. Протестные акции населения в 1950–1960-х годах как следствие низкого уровня его материального положения: формы и методы (на материалах Свердловской области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). С. 88–96; Прищепка А.И. Забастовки на Урале в 1940–1960 годах // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 135–137; Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.

² Калинин Н.Н. Социалистическое соревнование и стахановское движение на промышленных предприятиях Южного Урала в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 116–120 и др.

³ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х годов // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 74–100; Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации. // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53–62 и др.

⁴ Корнилов Г.Е. Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России. Вып. II: миграции населения. Екатеринбург, С. 198–226; Его же. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 48–57; Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. Российская история. 2019. № 3. С. 3–17; Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. и др.

⁵ Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека 1945–1948 годы // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; Ее же. Земля слухом полнилась... // Родина. 1998. № 8. С. 5–9

⁶ Мигранов М.С. Общественные настроения в советском обществе во второй половине 40-х гг. XX в. (по материалам Башкирской АССР) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск, 2011. С. 14–20; Карпенко И.А. Сводки Управления МГБ по Ленинграду как исторический источник о настроениях послевоенного общества // Клио. 2006. № 1. С. 62–66; Ващук А.С. Общественно-политические настроения дальневосточников в 1946–1960-е годы // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. Владивосток, 2003. С. 230–235; Edele M. More than just Stalinists: the political sentiments of victors 1945–1953. / Late Stalinist Russia: Society between reconstruction and Reinvention. Oxford: Routledge. 2006 и др.

охранительных органов. Получает рассмотрение проблематика отношения граждан к политическим лидерам государства¹.

Более углубленное рассмотрение проблематики экономических стратегий городского населения предпринимается в рамках концепции «истории повседневности». В исторических и культурологических разработках на основе письменных и визуальных источников авторы реконструируют сюжеты советской повседневности², отношение граждан к моде и вещам³, специфику гастрономической культуры⁴, коммунальное пространство⁵, и пр.

Изучение советской повседневности сегодня реализуется и в формате микроистории, в русле которой на основании писем и дневников воссоздаются биографии простых людей, в которых более рельефно читаются мотивации их деятельностных стратегий, ценностные ориентиры⁶. Изучение советской субъективности реализуется в контексте социологических и культурологических разработок⁷.

Ведутся исследования языка советского периода, вобравшего в себя массу идеологем, отражающих специфику социально-политического кон-

¹ Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 128–134; Сулейманова Р.Н. «Зачем такое правительство нужно?»: власть в представлениях населения Башкирской АССР (1945–1950-е годы) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 772–776.

² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции М., 2008; Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015; Jonston T. Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939-1953. 2011 и др.

³ Гурова О.Ю. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005. С. 6–21; Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х гг. М., 2010. Golubev A., Smolyak O. Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation // Cahiers du monde russe, 54/3–4 (Juillet-décembre 2013): 517–541 и др.

⁴ Сохань И.В. «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // Человек. 2012. № 6. С. 139–153; Кириленко С.А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта // Studia culturae. 2002. Вып. 3. С. 115–117 и др.

⁵ Горлов В.Н. Ведомственное жильё в СССР // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2013. № 1. С. 57–62; Варга-Харрис К. Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во времена «оттепели» // Новейшая история России. 2011. №1. С. 160–166; Buchli V. An archeology of socialism. Oxford, N.Y.: Berg., 2000 и др.

⁶ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 17–21; Кабацков А.Н., Лейбович О.Л. Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И. Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22 и др.

⁷ Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008; Хупер С. «Новому советскому человеку» случается ошибаться: вместо героических фигур – обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018. С. 39–74 и др.

струирования¹. В филологических разработках был предпринят анализ лексем печатных СМИ², в то же время не ставилась задача изучения их содержания в контексте динамики социальной политики.

Проблематика экономических стратегий населения получает рассмотрение в экономических исследованиях (институциональной экономики, поведенческой экономики³), выявляется взаимосвязь психологических явлений и эмоций на принятие экономических решений, черты российской экономической ментальности. Теоретические подходы и методы исследования адаптивных поведенческих практик изучаются психологами⁴.

По результатам историографического анализа можно сделать вывод, что различные аспекты проблематики экономических стратегий горожан находятся в фокусе изучения многих гуманитарных дисциплин (истории, экономики, социологии, правоведения, культурологии, психологии). Наиболее детально в историографии рассмотрены количественные аспекты проблематики экономических стратегий горожан (объемы потребления, материальные доходы); количественные результаты кампаний второй половины 1940-х гг. по борьбе с экономическими и трудовыми девиациями; проанализированы экономические реформы, проводимые правительством в послевоенное десятилетие. Существует ряд тем, слабо или совсем не освещенных в научной литературе. Это вопросы решения кадровых проблем на предприятия непромышленных отраслей, послевоенное регулирование штатов предприятий и учреждений. Политический дискурс послевоенного десятилетия не являлся ранее объектом исторического анализа, не получили рассмот-

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь. 1995; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург, 2009; Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика, 2009, № 4 (30). С. 32–40 и др.

² Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : дис. ... к. филол. н. Екатеринбург. 2004; Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на материале заголовков газеты «Правда» 30-40-х гг.: дис. ... к. филол. н. Омск, 2007.

³ Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993; Поведенческая экономическая теория: мейнстрим и современная парадигма экономического развития. Саратов, 2012 и др. .

⁴ Акименко А.К. Стратегии адаптивного поведения студенческой молодежи и их характеристика // Известия Саратовского университета. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 1. С. 64.

рения в исторических исследованиях вопросы самостоятельной трудовой занятости и защиты личной собственности. Не исследована в историографии проблема формирования образов «правильных» и «девиантных» экономических стратегий горожан посредством печатных СМИ. Слабо освещена в исторических разработках проблематика экономических стратегий горожан, связанных с освоением реалий послевоенного десятилетия.

Во втором параграфе «**Методология и методы исследования**» определена методология и охарактеризованы методы, применяемые в диссертации.

В современной науке применительно к проблематике изучения социальной истории утвердился междисциплинарный подход, который стал основой для синтеза концепций, моделей, категорий и понятий различных отраслей знаний.

Предпринятое исследование основывается на комплексе методологических подходов. Его основу составляют принципы модернизационной парадигмы, представляющей собой методологию, ориентированную на изучение социальных перемен, трансформаций, фиксируемых в процессе развития общества. Одной из объяснительных моделей, сформулированных в рамках модернизационной парадигмы, является концепция «мобилизационная система». В её русле процессы, протекавшие в Советском Союзе, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как активизация и концентрация внутренних сил индивидов или социальных групп на выполнение определенного рода функций, как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и других задач¹. В.В. Седовым были выделены основные принципы мобилизационности, как сознательно осуществляемой деятельности людей, реализуемой в рамках данной экономической мо-

¹ Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 95–100; Фонов А.Г. Россия: инновации и развитие. М., 2010; Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003 и др.

дели: принцип главного звена; принцип достижения цели «любой ценой»; принцип дискретности; принцип сознательности¹. Концепт «мобилизационная система» является оптимальным инструментом для изучения процессов государственного регулирования экономических стратегий горожан, позволяя выявить их специфику и направленность с учетом решаемых государством задач.

При работе над диссертацией использовались результаты теоретических наработок авторов, проводимых в русле теории истории повседневности². В отечественной историографии понятие «повседневность» трактуется достаточно широко, объединяя в себе все, что происходило или могло произойти в частной человеческой жизни, бытовой культуре и пр. В рамках данной работы интерес представляет исследовательский ракурс, согласно которому повседневность презентуется как культурологическое пространство (ценностное, бытовое и пр.), изучаемое посредством методологии, обозначенной в контексте теории практик. Данная группа теорий разрабатывалась в работах зарубежных исследователей³. При существенных различиях в определении практик общим являлось утверждение о формировании социальных явлений через деятельность отдельных людей, коллективов. Методология теории практик позволяет выявить в пространстве повседневности приоритетные поля, высвечиваемые в контексте деятельностных практик индивидов. Означенный ракурс рассмотрения повседневности был предложен в работе О.Л. Лейбовича, согласно которому повседневность включает: совместно разученные социальные практики, пространство, осваиваемое в ходе этих практик, их смысловое наполнение, побуждающее индивидов к этим дей-

¹ Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003. С. 21–22.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999; Шуц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 62–71; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995; Lefèbvre H. Everyday Life in the Modern World. L., 1971.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995; Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001; Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128; Элиас Н. О процессе цивилизации. М., 2001; Фуко М. Археология знания. М., 2004; Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб., 2013.

ствиям, и позволяющее их оценивать¹. Такая трактовка повседневности с акцентированным «деятельностным» аспектом, видится наиболее приемлемой для реализации данного исследования.

Опираясь на результаты теоретических и эмпирических разработок по проблематике изучения практик, в диссертации в качестве методологического приема был предложен подход, согласно которому экономические стратегии городского социума дифференцировались в соответствии с направленностью деятельностного импульса, его сообразностью действующим нормам и императивам, транслируемым властью. В экономических стратегиях горожан были выделены три модели: перфекционистская (объединяющая поведенческие проявления горожан, отличающиеся осознанным следованием эталонным образцам экономических стратегий); адаптивная (представленная практиками, направленными на «обживание» горожанами экономических реалий послевоенного десятилетия); девиантная (объединяющая экономические практики, реализация которых была связана с нарушением действующих законодательных норм). Выделение данных моделей видится оптимальным для реализации целей исследования.

Рассмотрение проблематики формирования и реализации экономических стратегий городского социума РСФСР 1946–1956 гг. в русле данной методологии, позволяет сохранить баланс макроисторических и микроисторических оптик, в той мере, в которой они работают на цель диссертации.

В ходе исследования автор придерживался принципов историзма, системности, стремился к научной объективности.

Методическая база исследования носит комплексный характер и включает в себя общенаучные методы, традиционные методы исторического познания и специальные методы. Изучение источников осуществлялось с помощью общенаучных методов анализа, синтеза, дедукции и индукции. При решении поставленных в диссертации задач использовались различные об-

¹ Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения. Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С. 250–264.

шеисторические методы (историко-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический). Для обработки полученных в ходе исследования данных использовались статистические методы: статистическая сводка, построение группировок, динамических рядов.

Использование в работе массовых исторических источников позволило применить специальные методы качественного и количественного анализа. При работе с текстами использовался качественный метод – лингвистический анализ, включающий в себя смысловой, стилистический и интерпретационный анализ. При исследовании материалов печатных СМИ использовался качественно-количественный метод – контент-анализ.

Автором была разработана методика изучения имплицитной риторики печатных СМИ, направленной на трудовую мобилизацию городского социума, основанная на контент-анализе. Для реконструкции содержания эталонной трудовой стратегии горожан, презентуемой в СМИ, был предпринят контент-анализ лексем и групп лексических форм (15 показателей). Посредством контент-анализа было обработано 13 периодических изданий за одиннадцать лет (12 газет центрального, областного, городского, заводского уровня и один журнал). Была использована частотная выборка. Суммарный объем обработанных методом контент-анализа материалов периодических изданий составил 2880 выпусков.

Для реконструкции содержания и форм девиантных экономических стратегий горожан был предпринят контент-анализ текстов газет, а также текстов и карикатур журнала «Крокодил». Была разработана альтернативная методика изучения девиантных поведенческих проявлений горожан, фиксируемых в раках двух полей: «человек–государство» и «человек–человек». Для контент-анализа материалов «Крокодила» использовалась фронтальная выборка, общий объем материалов издания составил 396 выпусков.

Таким образом, предпринятое исследование базируется на сочетании общенаучных, традиционных и специальных методов обработки источников,

использование которых было направлено на достижение поставленных в диссертации задач.

В третьем параграфе «Источники исследования» проанализированы основные источники диссертации. Согласно типовой классификации источников¹ в работе были использованы: письменные и изобразительные источники (изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные). В ряду письменных источников в работе были использованы следующие виды.

Законодательные акты. Конституция СССР (1936 г.), Конституция РСФСР (1937 г.), Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.) (с изменениями на период 1938 г. и 1952 г.), Указы Президиума ВС СССР, СНК СССР, СМ СССР, СМ РСФСР по вопросам, касающимся организации труда и быта городского населения, доходов, материального потребления, борьбы с экономическими девиациями. В работе использовались как опубликованные законодательные акты (представленные в отдельных и продолжающихся изданиях, сборниках документов²), так и неопубликованные, представленные архивными материалами Государственного архива РФ (значительная часть данных архивных документов впервые вводится в научный оборот).

Делопроизводственные материалы. В структуре делопроизводственной документации можно выделить две группы: обеспечивающие принятие и реализацию управленческих решений; обеспечивающие документооборот. К первой группе относятся документы Коммунистической партии (материалы съездов, пленумов и конференций)³, труды и выступления политических лидеров⁴, документы по истории хозяйственного планирования¹ и т.п. Вторая

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 135.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1945–1946 гг. М., 1947; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. В 16 т. М., 1967–1968; Законы, принятые Верховным Советом СССР, и указы Президиума Верховного Совета СССР за 1948 год. В 6 т. М., 1949; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. 1946–1948. В 5 т. Т. 5. М., 1949; Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, местничеством, обманом государства, спекуляцией и взяточничеством. Сборник нормативных актов. М., 1984. и др.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1925–1953. М., 1953. Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС. URL: <http://stalinism.ru/dokumenty/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> (дата обращения: 18.10.2019) и др.

⁴ Молотов В.М. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1947; Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952 и др.

группа представлена справками, заявлениями, записками, отчетами, письмами в органы власти и пр., фиксирующими специфику деятельностных стратегий горожан. Данная группа источников включает опубликованные документы (представленные в сборниках²) и неопубликованные материалы, выявленные в 8 архивах различного уровня: Государственном архиве РФ (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО).

В работе использовались *статистические источники*. Опубликованные статистические данные представлены в сборниках³, которые были необходимы для количественного анализа деятельности учреждений системы трудовых резервов, численности городского населения РСФСР и пр. При анализе развития газетной и журнальной периодики использовались сборники «Летопись периодических изданий СССР»⁴. Неопубликованные статистические сведения представлены архивными материалами. Это материалы региональных и всероссийских бюджетных обследований, проводимых ЦСУ СССР.

Периодические издания. Применительно к изучению проблематики экономических стратегий горожан 1946–1953 гг. периодическая печать вы-

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946 и др.

² Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы : в 2-х тт. Екатеринбург, 2000. Т.2 : 1929–1984; На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. М., 2010; Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. М., 2003; Москва послевоенная. 1945–1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: документы и материалы. В 6 т. Екатеринбург. 2008; Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003 и др.

³ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1956 год. М., 1957; Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. М., 1957; РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М., 1957; Труд в СССР : статистический сборник. М., 1988 и др.

⁴ Летопись периодических изданий СССР 1946. М., 1947; Летопись периодических изданий СССР 1948. М., 1949 и др.

ступала как источник: изучения механизмов стимулирования трудовой активности горожан; выявления динамики проводимых кампаний по борьбе с экономическими преступлениями; реконструкции стандартов материального потребления; исследования моделей экономических стратегий и суждений представителей горожан.

В работе были использованы специализированные периодические издания (журналы): «Советская торговля», «Социалистическая законность», «Пропаганда и агитация», «Большевик». В ряду массовых периодических изданий в работе использовались журналы: «Смена», «Огонек», «Работница», «Журнал мод», «Модели сезона», «Крокодил», газеты различного уровня. Центральные газеты СССР: «Правда», «Известия», «Труд». Областные газеты: «Уральский рабочий», «Великолукская правда», «Тюменская правда», «Советский Сахалин», «Восточно-Сибирская правда», «Советская Сибирь», «Красный Север», «Омская правда», «Молодой коммунар», «Молодая гвардия». Городские газеты: «Тагильский рабочий», «Под знаменем Ленина». Заводские газеты: «Кировец», «Магнитогорский металл», «Металлург», «За тяжелое машиностроение». Источниковую базу исследования составили материалы 30 периодических изданий.

В диссертации использовались *публицистические* источники – фельетоны, опубликованные в газетах и журналах, позволившие выявить девиантные экономические стратегии горожан.

Важным источником являлись документы *личного происхождения*. В работе использовались воспоминания отечественных политических и научных деятелей А.Г. Зверева, А.М. Гаврилова, Д.С. Павлова¹. Дневники представителей разных возрастных, социальных и профессиональных групп городского социума различных городов РСФСР (Москвы, Ленинграда, Кирова, Ростова-на-Дону, Иваново, Челябинска, Молотова, Омска, Новосибирска и др.). Источниковую базу исследования составили материалы дневников 57

¹ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973; Гаврилов А.М. Патриархи аграрной науки Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2012. №. 1 (25). С. 1–8; Павлов Д.С. Стойкость. М., 1983.

горожан. Часть использованных в работе дневников представлена опубликованными изданиями (в основном это дневники горожан творческих профессий – писателей, актеров и пр.). Значительная доля дневников горожан (рабочих, служащих, учащихся и пр.) представлена на электронных ресурсах. На сайте <https://prozhito.org> (созданном Центром изучения эго-документов «Прожито» Европейского Университета в Санкт-Петербурге; на сайте организации МемоКлуб (<https://memoclub.ru>)). Несмотря на субъективизм, присутствующий эго-документам, данные материалы позволяют реконструировать картину суждений, мотиваций и адаптивных жизнедеятельностных стратегий горожан.

В работе использовались *изобразительные источники*. Подтип *изобразительно-натуральных* источников представлен фотографиями, опубликованными на страницах газет и журналов 1946–1956 гг. (фотографии трудовой тематики, модные образы). Подтип *изобразительно-художественных* источников представлен иллюстрациями в модных журналах, изображениями рекламного характера (плакаты, иллюстрации в журналах и газетах). Анализ данных материалов был направлен на изучение динамики стандартов образа жизни горожан. В качестве источника использовались карикатуры (в газетах, журнале «Крокодил»), анализ которых позволил выявить проявления девиантных экономических стратегий горожан, стигматизируемых в дискурсе.

Вследствие междисциплинарной специфики исследования, источниковая база ретроспективного изучения экономических стратегий горожан не исчерпывается источниками приводимой выше классификации. В качестве источника изучения декларируемых потребительских стандартов использовались издания «Книги о вкусной и здоровой пище» 1939 г. и 1952 гг. Для реконструкции пространства эталонных экономических стратегий привлекались материалы букварей 1940-х–1950-х гг.

Таким образом, материалы, использованные для изучения экономических стратегий городского населения РСФСР послевоенного десятилетия, представляют собой обширный корпус разнообразных источников, ком-

плексный анализ которых позволил, на наш взгляд, достичь поставленных исследовательских задач.

Во второй главе «**Политическое регулирование трудовых стратегий городского населения РСФСР в 1946–1956 гг.**» предпринят анализ правительственных мероприятий, направленных на корректировку трудовых стратегий горожан.

В первом параграфе «**Решение кадровых проблем на городских предприятиях**» проанализированы формы и методы решения кадровых проблем (в индустрии, на предприятиях непромышленных отраслей).

За годы войны численность рабочих и служащих РСФСР уменьшилась на 2,5 млн чел. С целью более эффективного решения кадровых проблем в промышленности была возобновлена трудовая мобилизация населения – оргнаборы и призывы в учебные заведения системы трудовых резервов. Контроль по оргнабору рабочих были созданы в 44 областях и краях СССР, из них в 21 области (крае, АССР) РСФСР. Приоритетным объектом мобилизации являлись сельские жители (около 70% вербуемых по оргнабору, более 80% учащихся школ ФЗО, РУ). Борьба с текучестью кадров реализовывалась путем применения репрессивных законодательных норм, а также посредством предоставления различных льгот и материальной помощи работникам (дифференцированных в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия, территории и пр.). На предприятиях приоритетных отраслей индустрии (оборонная промышленность, ж/д транспорт и пр.) более интенсивно применялись позитивные (льготы) и негативные (санкции) формы «закрепления» кадров.

Система трудовой мобилизации населения имела существенные недостатки: планы мобилизации (особенно по оргнабору) не выполнялись; уровень подготовки специалистов ФЗО и РУ был низким; государство несло существенные материальные затраты на проведение трудовых мобилизаций; сохранялся высокий уровень текучести мобилизованных работников (от 20 до 50% по различным отраслям). Тем не менее, за период 1946–1950 гг. в учебных заведениях системы трудовых резервов около 3,4 млн. чел. приобрели

рабочие специальности, 5,5 млн. чел. были привлечены в промышленность через систему оргнабора.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. корректируется система трудовой мобилизации (уменьшены планы оргнабора; сокращен перечень специальностей и контингент обучающихся; увеличены сроки обучения; введена специализация учебных заведений). Означенная тенденция свидетельствует о произошедшем в конце 1940-х – начале 1950-х гг. снижении режима мобилиционности. Последовательный отказ от мобилизационных инструментов решения кадровых проблем в индустрии произошел в середине 1950-х гг.

Проблема нехватки квалифицированных кадров и ИТР в индустрии решалась как путем перевода сотрудников на предприятия приоритетных отраслей, так и путем расширения сети вузов и техникумов (к началу 1950-х гг. выпуск специалистов вузов для важнейших отраслей промышленности и строительства увеличился более чем в 1,5 раза).

Для преодоления дефицита кадров на предприятиях непромышленных отраслей было увеличено число студентов, учебных заведений очной и заочной формы обучения. В отношении работников данных отраслей применялись менее суровые санкции и менее существенные льготы, направленные на их «закрепление» на предприятиях.

В 1940-е гг. проводились мероприятия по сокращению штатов предприятий и учреждений. В 1947 г. число сотрудников министерств было сокращено на 11,4–18,8%, предприятий республиканского и местного подчинения – от 7 до 27%. Сокращение штатов не коснулось стратегически важных для государства отраслей (атомный проект, новые виды вооружения и пр.). Мероприятия по сокращению штатов административно-управленческого и подсобного персонала предприятий и учреждений были направлены не только на сокращение управленческих расходов, но и на пополнение индустриальных кадров.

Во втором параграфе «Интенсификация труда горожан в контексте государственного регулирования» рассмотрены механизмы идеологического и экономического стимулирования труда горожан.

В политическом дискурсе второй половины 1940-х гг. были актуализированы мобилизационные категории: «долг», «самоотверженный», «напряженный» (труд) и пр., направленные на активизацию трудовой деятельности граждан, источником повышения производительности труда являлся «масштабный трудовой подъем населения». Апелляция к категории «экономия» звучала в правительственных постановлениях, направленных на снижение себестоимости продукции и издержек производства. Успешность достижения коллективного, значимого для государства результата, ставилась в зависимость от эффективности деятельности каждого индивида. В 1950-е гг. в политической риторике снижается востребованность мобилизационных категорий, смягчаются их коннотации. Рост производительности труда связывался с повышением технической оснащённости предприятий.

Для повышения производительности труда горожан применялись различные методы. Во второй половине 1940-х гг. было проведено повышение норм выработки рабочих (от 4,3 до 35% по предприятиям различных отраслей); на 15–20% были снижены нормы выработки для подземных рабочих угольной промышленности. Широко распространённой формой стимуляции трудовой активности являлось социалистическое соревнование (участвовало от 85 до 90% рабочих). Наиболее высокие суммы премирования за победу в социалистическом соревновании и большее количество премий фиксировались на предприятиях министерств: угольной промышленности, путей сообщения, электростанций. Действовали премии ИТР и рабочим за перевыполнение планов, экономию на производстве, сбор отходов и пр. Применение данных методов стимуляции труда было дифференцировано по отраслям промышленности, а также в хронологическом диапазоне исследуемого периода. Максимальная интенсивность позитивных и негативных форм стимуляции труда горожан фиксировалась в 1946–1948 гг., свидетельствуя как о вы-

соком уровне мобилизованности в практиках социально-экономического регулирования, так и об отсутствии выраженной дифференциации позитивных и негативных методов стимулирования труда в рамках мобилизационной экономической модели. Анализ объемов премий и динамики повышения производительности труда по отраслям индустрии свидетельствует об отсутствии прямой зависимости между данными показателями. Значительно большее влияние на рост производительности труда оказывали: организация производства, уровень технической перевооруженности предприятий, низкий уровень использования труда заключенных.

Третья глава «Политико-правовое регулирование девиантных экономических стратегий городского населения РСФСР» посвящена анализу мероприятий правительства, направленных на борьбу с экономическими девиациями горожан.

В первом параграфе **«Экономические девиации граждан в советском политическом дискурсе»** анализируется специфика обращения власти к проблематике девиантных экономических проявлений граждан (трудовым нарушениям, хищениям и пр.). Трудовая деятельность и необходимость беречь социалистическую собственность трактовались как обязанность граждан в текстах Конституций СССР (1936 г.) и РСФСР (1937 г.). В политической риторике хищения социалистической собственности определялись как антигосударственные и антинародные деяния. В документах, отражающих перспективы экономического развития государства, проблематика трудовых нарушений и экономических преступлений не акцентировалась, как и результаты борьбы с данными аномалиями. В качестве причин девиантных экономических практик населения, как правило, обозначались «пережитки капитализма».

Во втором параграфе **«Борьба с экономическими преступлениями в городской среде»** рассматриваются правительственные мероприятия, направленные на искоренение хищений социалистической собственности, коррупции, спекуляции, проводимые в послевоенный период. В 1946 г. фикс-

сируется рост количества экономических преступлений. Число хищений в 1946 г. возросло на 16% (к уровню 1945 г.). К 1947 г. кражи и хищения составляли около половины от всех зарегистрированных уголовных преступлений, 4,3% составляли дела о спекуляции. Для борьбы с хищениями в 1946–1947 гг. были расширены функции Министерства госконтроля СССР, усилен контроль деятельности торговых организаций и учреждений системы карточного снабжения граждан. Вследствие принятия Указа Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» были ужесточены наказания за данный вид преступлений, возросло количество осужденных (на 30,3% в 1948 г. к уровню 1947 г.). В социальном разрезе «острие» кампании было направлено на представителей количественно более выраженных групп горожан – рабочих, служащих, а в верхах советского социума кампания характеризовалась достаточно «мягким» прохождением (выговор, увольнение, привлечение к партийной ответственности). Количество лиц, осужденных за коррупцию, составило в 1948 г. 1,9% от числа осужденных за хищение социалистической собственности. В 1946 г. были усилены меры борьбы со спекуляцией, увеличены сроки наказания (количество лиц, осужденных за спекуляцию в 1947–1950 гг., варьировалось от 12 до 21% от числа лиц, осужденных за хищения). В конце 1940-х гг. фиксируется спад интенсивности данных кампаний, проявившийся в снижении количества осужденных за хищения (на 3,5% в 1949 г. и 14,3% в 1950 г. к уровню 1948 г., увеличении количества осужденных условно); снижении числа лиц, осужденных за спекуляцию (на 21,6% в 1949 г. и 45,1% в 1950 г. к уровню 1947 г.), уменьшении обращений к данной тематике на страницах юридической периодики, сокращении полномочий Министерства госконтроля. Снижение интенсивности проводимых кампаний было синхронно ослаблению других мобилизационных инструментов социально-экономического регулирования. В 1950-е гг. вследствие изменения политической конъюнктуры происходит дальнейшее ослабление репрессивных

механизмов борьбы с экономическими преступлениями (проведена амнистия (1953 г.), снижены сроки наказания за хищения (1955 г.)).

В третьем параграфе «Правовое регулирование трудовых нарушений горожан» анализируются мероприятия правового регулирования девиаций: трудового дезертирства, прогулов, опозданий, бесхозяйственности, практик уклонения от труда. Прогулы, опоздания и самовольные уходы трудящихся с предприятий квалифицировались в соответствии с законодательными нормами начала 1940-х гг. (Указы Президиума ВС СССР от 26 июня, 28 декабря 1940 г., 26 декабря 1941 г.), предусматривающими уголовное наказание нарушителей. Наибольшее количество осужденных за данные нарушения пришлось на 1946–1947 гг. (42,4% за прогул и 33% за трудовое дезертирство от общего количества осужденных за данные нарушения в 1946–1952 гг.). Политика уголовного преследования нарушителей не приносила эффективных результатов. В 1948 и 1951 гг. происходит смягчение законодательных норм, регулирующих трудовую дисциплину (Указы Президиума ВС СССР от 2 мая, 31 мая 1948 г., 14 июля 1951 г.). Снижается количество осужденных. В 1956 г. прогулы и самовольные уходы работников с предприятий были исключены из разряда уголовно наказуемых преступлений. Борьба с бесхозяйственностью в послевоенные годы не имела выраженной интенсивности. В 1951 г. в разряд нарушителей попадают лица, «злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности». Кампания по борьбе с попрошайничеством и бродяжничеством характеризовалась относительной мягкостью. Она не привела к значительному возрастанию судимости населения, способствуя частичному трудоустройству данных категорий граждан.

Четвертая глава «Доходы и материальное потребление городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие» посвящена анализу правительственных мероприятий, касающихся материального благосостояния горожан.

В первом параграфе «Проблематика материального благосостояния населения в политическом дискурсе» предпринят анализ политиче-

ской риторики, направленный на выявление идеологием, касающихся проблематики благосостояния населения. В 1946–1948 гг. высоким уровнем востребованности отличались мобилизационные лексические категории: «жертва», «экономия», ориентирующие граждан на осознанную минимизацию потребления. Перспектива роста благосостояния граждан определялась популистским сочетанием «зажиточно и культурно», повышение уровня жизни горожан «откладывалось» до восстановления «экономической мощи Родины». В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в риторике власти фиксируется снижение уровня востребованности мобилизационных лексем. В 1950-е гг. формулируется тезис об удовлетворении материальных потребностей граждан как о приоритетном направлении государственной политики. Изменение политической риторики свидетельствует об ослаблении мобилизационных инструментов социального регулирования.

Во втором параграфе **«Регулирование материального потребления горожан»** рассматриваются проблемы материального снабжения горожан, ценовая политика периода. Система централизованного снабжения сохраняла ведущую роль в продовольственном обеспечении горожан в 1946–1947 гг. Вследствие ухудшения экономической ситуации в стране в 1946 г. применялись меры по «экономии хлеба» – увеличение примесей фуражных культур, нарушение технологии изготовления хлеба. Негативно отразились на уровне жизни горожан: повышение пайковых цен, снижение норм снабжения хлебом, сокращение контингента граждан, находящихся на карточном снабжении (в основном за счет трудоспособных иждивенцев). По РСФСР в начале 1947 г. количество централизованно снабжаемого населения составило: работающих – 20 172 100 чел., иждивенцев – 5 223 300 чел., детей – 11 175 600. За период с сентября по декабрь 1946 г. увеличилось количество трудящихся горожан, снабжаемых по карточкам (рабочие и ИТР угольной, судостроительной промышленности, черной металлургии и пр.), росло количество снабжаемого контингента на предприятиях и в учреждениях, занятых разработками атомного проекта. Специфика централизованного снабжения горо-

жан свидетельствует о реализации принципа «главного звена», характерного для мобилизационной экономической модели.

Денежная реформа и отмена карточек 1947 г., снижение цен в апреле 1948 г., популяризируемые как мероприятия, направленные на повышение уровня жизни граждан, фактически были нацелены на решение задач мобилизационной экономики, а население выступало ресурсом для их достижения. Переоценка вкладов граждан принесла государству доход в 3,6 млрд. руб. В апреле 1948 г. наиболее ощутимо были снижены цены на алкоголь (на 20%), приведя к увеличению его продаж. Параллельно были приняты меры, направленные на увеличение производства алкогольной продукции (Постановления СМ СССР от 24 апреля, 9 июля, 28 июля, 14 сентября 1948 г.).

В августе–сентябре 1948 г. было проведено повышение тарифов на коммунально-бытовые услуги (на 30% повысилась стоимость проезда в общественном транспорте, на 47% плата за пользование общественными банями, на 7,5% плата за электроэнергию). На 20–50% была повышена стоимость почтовых отправок, услуг местных телефонных сетей и междугородних телефонных переговоров. Тарифы на пассажирские перевозки железнодорожным и водным транспортом увеличились на 10–50%. В результате расходы горожан значительно возросли.

Ослабление мобилизационного режима в реализации социальной политики проявилось в снижениях цен 1949–1954 гг., повысивших уровень материального потребления горожан. К 1953 г. цены на продукты составляли 38%, а цены на непродовольственные товары равнялись 57% от уровня цен 1947 г. Во второй половине 1950-х гг. был взят курс на более активное развитие социально ориентированных отраслей экономики, вследствие чего повысился уровень материального потребления горожан.

В третьем параграфе «Динамика доходов и заработной платы» предпринят анализ политики доходов и оплаты труда горожан. Оплата труда горожан, занятых в общественном секторе экономики (промышленности, сфере услуг, науке или культуре), отличалась высоким уровнем дифференци-

ации, обусловленной как отраслью предприятия, его местоположением и экономической значимостью, так и профессиональной принадлежностью, должностью, стажем и личными заслугами работника. При анализе проблематики материальных доходов горожан, учитывалась динамика различных составляющих доходов – окладов, премий, компенсирующих выплат.

Во второй половине 1940-х гг. на 10–50% были повышены размеры окладов горожан, занятых на предприятиях приоритетных отраслей индустрии, имеющих сложные условия труда. В то же время были снижены сдельные расценки оплаты труда рабочих промышленных предприятий (на 13–25,8%). Дифференцированно возросли оклады научных и творческих работников, а также персональные оклады. В 1946–1947 гг. был увеличен объем и количество премий за трудовые достижения граждан в различных сферах (промышленности, науке, искусстве). Компенсирующие выплаты, полагающиеся количественно преобладающим низкооплачиваемым и малообеспеченным категориям горожан (студентам, пенсионерам, матерям-одиночкам и пр.) были минимальными (в отличие от персональных пенсий, назначаемых хозяйственным руководителям, деятелям науки и искусства и членам их семей). В целом, политика доходов характеризовалась сохранением «ставки на сильных». Она была направлена на стимуляцию труда горожан, формируя «достижительную» стратегию трудовой деятельности, соответствующую задачам мобилизационной экономической модели.

Снижение режима мобилизованности проявилось в сокращении объемов премий в 1948 г. на 25–50%, на 36,3% снизился объем «средней индивидуальной» Сталинской премии.

В середине 1950-х гг. дифференцированная политика доходов, сменяется курсом на нивелирование оплаты труда горожан, в общем объеме доходов была снижена доля премиальных выплат, увеличен объем окладов и компенсирующих доплат.

В четвертом параграфе «Налоги и государственные займы» проанализирована динамика налогообложения горожан, занятых в обществен-

ном секторе экономики, специфика реализации кампаний по подписке на заем.

На протяжении послевоенного десятилетия налоги, взимаемые с горожан, снижались (в 1946 г. был отменен военный налог, повышен необлагаемый налогом минимум зарплаты (до 260 руб. в мес.), вводились различные льготы по налогам). В 1948 г. внимание правительства было направлено на взимание недоимок по налогам (долги по налогам с горожан составляли 435 млн. руб.). В 1950-е гг. налоговая политика характеризовалась дальнейшей либерализацией, но в 1956 г. были повышены налоги на содержания скота в личных хозяйствах горожан, что негативно отразилось на уровне жизни многосемейных и низкооплачиваемых категорий населения.

Регулярными мероприятиями послевоенного периода являлись Государственные займы. Они презентовались не только как меры, направленные на решение государственных нужд, но и как лотерея. Объем выигрыша составлял от 200 до 100000 руб. в зависимости от займа. Позитивная пропаганда займов сопровождалась политикой навязывания подписки. В процессе денежной реформы 1947 г. была проведена конверсия всех ранее выпущенных государственных займов (1936–1946 гг.), значительно сокращены выплачиваемые выигрыши. В 1950-е гг. снижается уровень императивности риторики власти относительно обязательности подписки на заем. В сумме за период 1948–1954 гг. доход государства от займов у населения составил 179,5 млн. руб., что равнялось 59,6% от объема средств граждан, «сэкономленных» от ценовых снижений послевоенного периода. В целом, практика займов у населения, широко использовалась в рамках мобилизационной экономической модели, позволяя государству аккумулировать дополнительные доходы. Государственные займы были отменены в 1957 г. свидетельствуя об отказе правительства от мобилизационных инструментов в реализации социально-экономической политики.

Пятая глава «Сфера “индивидуального” и “частного” в контексте социальной политики 1946–1956 гг.» посвящена анализу жилищных про-

блем горожан, вопросов самостоятельной трудовой занятости и личной ответственности.

В первом параграфе «Понятия “индивидуализм” и “индивидуальность” в отечественном дискурсе» рассмотрена специфика употребления и коннотации данных понятий. Понятие «индивидуальность» тяготело к более положительным характеристикам, употребляясь в контексте индивидуальных повседневных практик, а понятие «индивидуализм» определялось через исключительно негативные коннотации – эгоизм, самовлюбленность, предполагающие противопоставление личности коллективу. В 1950-е гг. повышается востребованность данных категорий в политической риторике и СМИ.

Во втором параграфе «Государственное регулирование проблематики самостоятельной трудовой занятости горожан» рассмотрены аспекты правового и политико-экономического регулирования данной сферы. Для самозанятых граждан были созданы неблагоприятные налоговые условия, действовали более высокие тарифы на коммунально-бытовые услуги. В 1947–1948 г. была ужесточена политика в отношении «частника» (сокращен перечень разрешенных промыслов). Сокращение сектора самозанятых не способствовало решению проблем товарного дефицита, но отвечало мобилизационным задачам, способствуя увеличению численности граждан, занятых в общественном секторе экономики. В 1950-е гг. фиксируется снижение интенсивности кампании по борьбе с «частником».

В третьем параграфе «Жилищные проблемы и личная собственность горожан в фокусе послевоенной социальной политики» на основании анализа источников сделан вывод, о противоречивости политики в отношении личного имущества граждан. С одной стороны, во второй половине 1940-х гг. были расширены права наследования, декриминализована практика продажи гражданами личных вещей, усилена законодательная защита личного имущества, приняты меры, направленные на стимуляцию индивидуального жилищного строительства. С другой стороны, в 1947 г. были усилены конфискационные санкции в отношении личного имущества граждан,

приобретение жилья в собственность было связано с проблемами кредитования (условия которого были ужесточены в 1948 г.).

Состояние социального жилья в РСФСР (69% всего жилого фонда) в большинстве городов было неудовлетворительным, а его объем недостаточным (планы строительства жилья министерствами выполнялись на 8,6–47%). Формы предоставляемого горожанам социального жилья различались (место в общежитии, комната, квартира). Пропорционально росту квалификации и профессиональной значимости работника, его роли, определяемой системой координат государственных интересов, увеличивались размеры доступного горожанам социального жилья. В послевоенное десятилетие жилищные проблемы горожан не были решены. В середине – второй половине 1950-х гг. были расширены возможности горожан не только в отношении получения жилья, но и его приобретения.

Шестая глава «Эволюция трудовых и потребительских стандартов городского населения РСФСР в информационном пространстве 1946–1956 гг.» посвящена изучению информационного дискурса периода с целью выявления динамики презентуемых стандартов (труда, потребления) и аномалий.

В первом параграфе **«Трансформация мобилизационной риторики и эталонных форм труда горожан на страницах печатных СМИ»** предпринят качественно-количественный анализ материалов печатных СМИ (журналов, центральных, областных, городских, заводских газет). Выявлена модель «правильной» трудовой деятельности граждан, включающая мотивацию, трудовые практики, вознаграждение труда. Неравноценная востребованность лексем, определяющих эталонную трудовую стратегию, позволила выделить в рамках периода 1946–1956 гг. три модели имплицитной риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР: «труда-подвига» (презентуемую на страницах СМИ во второй половине 1940-х гг.), «труда вознаграждения» (начало 1950-х гг.), «трудовой демобилизации» (1953–1956 гг.).

Трансформация мобилизационной риторики СМИ, коррелировала с динамикой послевоенного социально-экономического и политического развития.

Во **втором параграфе «Трудовые и экономические девиации на страницах СМИ»** предпринят анализ периодики, направленный на выявление форм и характеристик стигматизируемых практик горожан. Трудовые и экономические нарушения могли рассматриваться в СМИ в назидательном ключе и в сатирической форме. По результатам качественно-количественного анализа материалов журнала «Крокодил» сделан вывод, о превалировании сюжетов, посвященных девиациям, фиксируемым в системе «человек–государство» (94,6%), нежели в системе «человек–человек». Больше критике подвергались трудовые нарушения, допущенные руководителями предприятий и организаций (самообеспечение, коррупция, приписки, бюрократизм и пр.) (62,8%), а не простыми трудящимися. Усиление внимания к трудовым нарушениям горожан фиксируется в 1950-е гг. (особенно в период 1953–1956 гг.), что было обусловлено демократическими процессами, проходящими в СССР.

В **третьем параграфе «Динамика стандартов материального потребления»** предпринят качественный и количественный анализ текстов, визуальных сюжетов (рекламы, модных образов) презентуемых в дискурсе 1946–1956 гг. Выявлено, что во второй половине 1940-х гг., синхронно презентовалось две модели потребления: «будущего благосостояния» (ориентирована на широкие слои населения), и «элитарного потребления», ориентированная на привилегированные слои советского городского социума (в ней сохранялись элементы концепции «культурности» второй половины 1930-х гг.). В 1950-е гг. в информационном пространстве оформляется новая модель потребления – «осуществленного благосостояния», не имеющая дифференцированной социальной адресности, отличающаяся демократизмом презентуемых стандартов потребления. Содержание декларируемых в послевоенное десятилетие стандартов потребления было детерминировано спецификой

проводимой социальной политики, динамикой экономического развития страны.

В седьмой главе **«Модели экономических стратегий городского населения РСФСР: динамика и специфика реализации в период 1946–1956 гг.»** предпринят анализ форм проявления и эволюции экономических стратегий горожан.

В первом параграфе **«Перфекционистская модель экономических стратегий»** выявлено, что проявления данной модели (определяющиеся следованием в фарватере популяризируемых в дискурсе эталонных трудовых практик) были более выражены в молодежной среде (до 30 лет), что обусловлено психологическими и социальными особенностями этой возрастной группы. Горожане до 30 лет составляли 54,9% населения РСФСР, являясь группой, наиболее восприимчивой к политико-экономическим императивам, транслируемым в послевоенном советском дискурсе. Молодые люди воспроизводили в своих суждениях и текстах дневников лексемы-характеристики «правильной» трудовой стратегии: «трудовое напряжение», «самоотверженный труд», «борьба», в то же время лексемы «труд на благо Родины», «для коммунизма», фигурируя в публичной риторике (собрания, митинги), не упоминались в дневниках горожан. Представители молодежи одобрительно отзывались о проживаемых политико-экономических реалиях, в отличие от горожан более зрелого возраста. В хронологическом разрезе о большей выраженности перфекционистских деятельностных стратегий в городской среде можно говорить применительно ко второй половине 1940-х гг.

Во втором параграфе **«Эволюция адаптивных экономических стратегий горожан»** реконструируются адаптивные стратегии горожан, реализуемые в сферах: труда, материального потребления, монетарного поведения, решения жилищных вопросов. Выбор формы адаптивной стратегии определялся жизненной позицией индивида, наличием ресурсов, находящихся в его распоряжении (объемом доходов и сбережений, наличием ЛПХ и

пр.), семейным статусом и пр. В ряду адаптивных стратегий можно выделить три группы: «экстремальные», «активные» и «нормализованные».

«Экстремальные» стратегии – актуализировались в кризисные периоды, были связанные с аскетическими проявлениями, необходимостью расходования значительного объема ресурсов на удовлетворение базовых жизненных потребностей. К данной группе можно отнести: сокращение продовольственного потребления, ухудшение рациона питания, сокращение расходов на приобретение непродовольственных товаров, отказ от питания в системе общепита, снятие сбережений, продажу личного имущества и пр. К «группам риска», где экстремальные стратегии получили более широкую реализацию, относились: многосемейные (43,5% от общей численности городского населения РСФСР) и бессемейные (одинокие) горожане (5,9%), низкооплачиваемые группы (более 40% населения). По критерию территориального размещения «группу риска» составляли жители регионов РСФСР, а особенно небольших городов и поселков городского типа, где товарное снабжение было хуже, чем в крупных городах. По жилищному статусу в «группу риска» входили жильцы общежитий (студенты, учащиеся, мобилизованные по оргнабору и пр.), не имеющие ЛПХ и особенно остро ощущавшие удорожание жизни. В первые послевоенные годы к экстремальным экономическим стратегиям прибегали достаточно широкие слои городского населения.

«Активные» стратегии реализовывались в практиках, направленных на улучшение своего экономического статуса, повышение доходов и заработной платы (обращения граждан в органы власти с просьбами о помощи в решении материальных и жилищных проблем; подработки и дополнительные заработки; повышение производительности труда). Активные трудовые стратегии чаще выбирались молодыми людьми (от 20 до 35 лет). Обращения в органы власти были распространены в широких слоях горожан, но результативность удовлетворения данных просьб была выше в группах многосемейных, низкооплачиваемых категорий, семьях погибших воинов, фронтовиков.

Социально-экономические мероприятия правительства 1946–1947 гг. (сокращение контингента, снабжаемого по карточкам, повышение пайковых цен и др.) актуализировали проявление «экстремальных» и «активных» форм адаптивных экономических стратегий в среде горожан. Улучшение жизни, произошедшее в 1950-е гг., привело к снижению частотности их востребованности.

«Нормализованные» стратегии проявлялись в экономических практиках, являющихся нормой советской повседневности в рамках исследуемого периода (огородничество и животноводство, запасы и заготовление продуктов впрок, самостоятельное изготовление вещей, заем денежных средств у знакомых, стояние в очередях, использование каналов «блата» и пр.). В практиках реализации «нормализованных» стратегий можно отметить определенную динамику, являющуюся следствием модернизационных процессов и повышения уровня жизни горожан в 1950-е гг. Сокращается объем продукции, источником которой являлось ЛПХ горожан, уменьшается количество займов денег у знакомых, увеличивается объем сбережений, улучшается питание, сокращаются расходы на питание в общем объеме бюджета семьи (от более 60% в 1947 г. до 36% в 1956 г.), повышаются расходы на общественное питание (до 3,2% в 1956 г.); возрастают расходы в бюджете на непродовольственные товары (от 12,8% в 1947 г., до 25% в 1956 г.).

В третьем параграфе «Девиянтная модель экономических стратегий» проанализированы деятельностные проявления горожан, связанные с нарушением действующих законодательных норм. В послевоенном городском социуме были распространены различные девиации, связанные с нарушением норм трудовой дисциплины, извлечением нетрудовых доходов. В качестве факторов, способствующих распространению девиантных экономических стратегий можно отметить: ухудшение экономической ситуации в стране в 1946–1947 гг., сохранение репрессивного трудового законодательства, проведение конфискационной денежной реформы, амнистию 1953 г. Фиксируемая в 1946–1947 гг. криминализация городского социума во мно-

гом носила вынужденный характер, а нарушение горожанами законодательных норм зачастую являлось единственной альтернативой выживания.

В зависимости от специфики девиантных проявлении можно выделить социальные группы, в которых они получили большее распространение. Попрошайничество и нищенство были более выражены в социально незащищенных группах (инвалиды, пожилые граждане, безнадзорные дети). Хищения и спекулятивные практики – в среде работников торговли, общественного питания, карточных бюро, хотя случайные (эпизодические) проявления данных девиаций были распространены в широких слоях горожан в первые послевоенные годы. Взятничество и практики самообеспечения за счет предприятий были более распространены в группе руководящих работников. Кражи – в среде молодых людей, а также несовершеннолетних (14–18 лет). Нарушения трудовой дисциплины были более выражены среди рабочих, мобилизованных по оргнабору, эвакуированных с предприятиями, учащихся школ ФЗО (молодежь до 30 лет). На выбор девиантной экономической стратегии влияли: социальный статус (профессиональный, семейный) и материальное положение горожан.

В качестве общей тенденции проявления девиантных экономических стратегий горожан можно отметить их снижение в 1950-е гг., являющееся как следствием повышения уровня жизни, так и изменением действующих законодательных норм. Хотя различные практики обеспечения горожан за счет предприятий, организаций и пр. сохраняются в городской среде, реализуясь через систему личных связей (блата).

В **Заключении** подведены итоги диссертации. Мобилизационная экономическая модель, сохранившаяся в послевоенные годы, представляла собой систему административно-правового и политико-экономического регулирования, целью которого являлось восстановление и интенсификация промышленного производства, которые должны были быть достигнуты в условиях ограниченного объема экономических ресурсов. Социально-экономические мероприятия, проводимые правительством в первые послево-

енные годы, в большей степени были направлены на достижение задач индустриального развития страны, нежели на улучшение жизни граждан. Корректировка экономических стратегий горожан была направлена на повышение их трудовой активности, пресечение девиантных экономических проявлений. Помимо этого население являлось ресурсом государственной «экономии» (реализуемой путем сокращения контингента, находящегося на карточном снабжении, проведения денежной реформы, повышения цен и тарифов) и источником пополнения государственных доходов, осуществляемого путем внутренних займов. Означенная стратегия государственного социально-экономического регулирования поддерживалась СМИ, призванными формировать пространство «правильных» деятельностных стратегий граждан, стимулировать их трудовую активность.

Ответом горожан на внешний импульс стали различные модели экономических стратегий, выбор которых был обусловлен профессиональным семейным и экономическим статусом. Актуализация перфекционистской деятельностной стратегии была более характерна для молодого поколения, различные формы адаптивных практик были распространены в широких кругах городского социума, выбор частью горожан девиантных экономических стратегий (осознанный и спонтанный) был детерминирован репрессивной спецификой действующих законодательных норм и низким уровнем жизни населения.

Фиксируемые на протяжении послевоенного десятилетия процессы постепенного ослабления мобилизационных методов социально-экономического регулирования и интенсивности пропагандистской риторики СМИ, а также повышение уровня жизни горожан, способствовали снижению выраженности проявлений перфекционистской, девиантной поведенческой моделей и экстремальных адаптивных практик в городской среде, привели к положительной корректировке нормализованных адаптивных стратегий горожан. Это позволяет утверждать, что экономические стратегии горожан в первое послевоенное десятилетие были в значительной степени детермини-

рованы импульсами политико-идеологического, экономического и правового характера, но практики их реализации не всегда соответствовало властным императивам, осуществляясь посредством широкого спектра устоявшихся и актуализированных адаптивных практик, находящихся как в правовом поле, так и за его пределами.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2014. 353 с. (20,58 п. л.).
2. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 428 с. (26 п. л.).

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 300–305 (0,3 п. л.).
2. Восприятие населением РСФСР проблем товарного дефицита в 1950–1980 гг. Дискуссии в современной отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2013. № 5. С. 28–32 (0,9 п. л.).
3. «Советский потребитель» в отечественном гуманитарном дискурсе 1950-1980-х годов // Известия УрГЭУ. 2014. № 4. С.107–113 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,6 / 0,3 п. л.).
4. Теоретические подходы к пониманию потребностей населения в советском гуманитарном дискурсе 1950–1980-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). С. 79–85. URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/044-009.pdf>. (проверено: 17.12.2019) (0,6 п. л.).
5. Управленческие практики регионального и местного светского и партийного руководства в 1953–1964 гг. (по материалам журнала «Крокодил») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 3. С. 25–29 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,5 / 0,25 п. л.).

6. Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» 1953–1964 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 78–82 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,7 / 0,35 п. л.).
7. Нормы рационального питания в СССР второй половины 1950-х–1980-х гг.: причины и векторность трансформаций // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 4 (44). С. 73–78. URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/049-010.pdf>. (проверено: 17.12.2019) (0,4 п. л.).
8. «Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х–1960-х гг. // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 162–175 (1 п. л.).
9. Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг.) // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 55–62. (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,8 / 0,4 п. л.).
10. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. (74). С. 24–30 (0,8 п. л.).
11. Водка, икра и театральные бинокли: снижение цен в апреле 1948 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 45–50 (0,6 п. л.).
12. Феномен коррупции в послевоенном Советском Союзе: теоретические подходы и исследовательские практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 32–36 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,5 / 0,25 п. л.).
13. Трудовая мобилизация населения РСФСР в послевоенные годы: практики нормативного регулирования // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2018. № 2. С. 44–47 (0,45 п. л.).
14. Организованный набор рабочих: методы и результаты решения кадровых проблем во второй половине 1940-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 60–64 (0,5 п. л.).
15. «Установить строжайший контроль за сохранностью социалистической собственности»: кампания по борьбе с хищениями во второй половине 1940-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 1. С. 82–86 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,6 / 0,3 п. л.).
16. Штаты предприятий и учреждений: опыт регулирования в 1946–1948 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2019. № 2. С. 49–55 (0,5 п. л.).
17. «Долг», «жертва», и «экономия»: послевоенная риторика власти как инструмент формирования экономических стратегий населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 60–64 (0,6 п. л.).

18. Экономические девиации граждан в послевоенном советском политическом дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 3. С. 33–37 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0,5/0,25 п. л.).

19. СМИ как инструмент трудовой мобилизации городского населения (по материалам газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 3. С. 138–142 (0,55 п. л.).

20. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 298–303 (0,7 п. л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалах конференций, публикации в сборниках документов:

1. К вопросу о доходах городского населения 1940-х гг. в литературе конца XX – начала XXI века // Шестые Татищевские чтения: мат-лы всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2006. Т.1. С. 227–234 (0,3 п.л.).

2. Изучение доходов уральского населения послевоенного тридцатилетия в историографии 1950-х – начала 1980-х гг. // Проблемы экономики и политики Урала : сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2006. С. 23–46 (1,4 п. л.).

3. Советская историография о ценовой доступности товаров для городского населения СССР (1946–1991 гг.) // Экономическая история XX века: проблемы историографии : сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. С. 55–76 (1,1 п. л.).

4. Уровень жизни в Советском Союзе: дискуссионные проблемы // Уральский исторический вестник. 2008. № 18. С. 115–122 (в соавт. с А.В. Трофимовым 0.7 / 0,35 п. л.).

5. Современная историография о советской ценовой политике в послевоенные годы // Региональное измерение экономической истории России XX века: проблемы историографии : сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2009. С. 71–82 (0,4 п.л.).

6. Некоторые аспекты изучения нетрудовых доходов городского населения Свердловской области в 1950–1980-е гг. // Актуальные проблемы экономики, права, образования: история и современность : мат-лы междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. II. Екатеринбург, 2012. С. 61–66 (0,25 п.л.).

7. Идеологемы «потребительство» и «вещизм» в зеркале советской историографии второй половины XX века // Система ценностных представлений современного общества : мат-лы междунар. науч. конф. Пенза: ПГСХА, 2012. С. 101–105 (0,25 п. л.).

8. Жалобы населения в органы власти как источник изучения советской повседневности // Человек в Российской повседневности: история и совре-

менность : мат-лы V междунар. науч. конф. Пенза: ПГСХА 2012. С. 44–48 (0,25 п. л.).

9. «Разумный спрос культурно развитых людей»: отечественная историография 1950-х–1980-х гг. об отношении граждан к потреблению // Повседневность в Российской провинции XIX–XX вв. : мат-лы всерос. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Пермь: ПГПУ, 2013.

10. Отражение нормативных стратегий потребления в советском модном дискурсе 1950-х–1960-х гг. // Человек в российской повседневности: история и современность : мат-лы VII междунар. науч. конф. Пенза: ПГСХА, 2014. С. 62–66 (0,4 п. л.).

11. Жалобы в органы власти как способ решения трудовых конфликтов (по материалам писем жителей Свердловской области второй половины 1940-х–1950-х гг.) // Право в современном мире: вопросы защиты прав человека : мат-лы IV междунар. науч. конф. Екатеринбург: УИУП, 2014. С. 32–38 (0,4 п. л.).

12. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.) : сб. док-тов и мат-лов / отв. ред. А.В. Трофимов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2015. 355 с. (в соавт. с Е.А. Игишевой, С.М. Морий, А.В. Трофимовым 41,85 / 0,7 п. л.).

13. «Рациональность» потребностей и потребления населения: векторы интерпретаций в советской историографии // Новейшие достижения в науке и образовании : мат-лы междунар. науч. конф. Смоленск: Новаленсо, 2016. С. 34–36 (0,2 п. л.).

14. Букварь как источник изучения советской повседневности (на примере изданий середины 1940-х–1950-х гг.) // Документ. Архив. История. Современность : мат-лы VI междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 371–374 (0,3 п. л.).

15. По страницам советских букварей: отражение социальных процессов в изданиях 1950-х–1960-х гг. // VIII Адлеровские социологические чтения : мат-лы всерос. науч. конф. Альметьевск: АГНИ, 2016. С. 38–40 (0,2 п. л.).

16. Мотивация труда в контексте «правильной» трудовой стратегии населения РСФСР (по материалам газеты «Правда» 1946–1953 гг. // Достойный труд – основа стабильного общества : мат-лы IX междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрГЭУ, 2017. С. 29–33 (0,3 п. л.).

17. Советский педагог: реконструкция образа по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг. // Историко-педагогические чтения : мат-лы всерос. науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. № 22. С. 104–107 (0,4 п. л.).

18. Специфика законодательной защиты собственности в РСФСР во второй половине 1920–1940-х гг. // Право и образование. 2018. № 9. С. 150–158 (0,6 п. л.).

19. «Она им на все ответчица, наставница новых людей»: образ советского учителя по материалам журнала «Смена» послевоенного периода // Лики культуры в эпоху социальных перемен: мат-лы всерос. с междунар. участием научн. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 86–91 (0,4 п. л.).

20. Трудовой договор, как источник изучения социально-экономической политики второй половины 1940-х гг. // Документ. Архив. История. Современность : мат-лы VII всерос. с междунар. участ. науч. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 441–450 (0,6 п.л.).

21. Понятия «коллективизм» и «индивидуализм» в советской периодической печати 1946–1953 гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрФУ, 2018. № 18. С. 339–346 (0,4 п. л.).

22. Трудовые стратегии населения на страницах советских букварей середины 1940-х–1960-х гг. // Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования : мат-лы междунар. науч. конф. Чебоксары: ЧГПУ, 2018. С. 96–100 (0,3 п. л.).

23. Проблематика материального потребления населения в политическом дискурсе послевоенного периода // e-FORUM. Электронный журнал. 2019. № 2 (7). С. 10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40926507> (проверено: 17.12.2019) (0,5 п.л.)

24. Решение кадровых проблем на предприятиях и в учреждениях непромышленных отраслей городской инфраструктуры в послевоенный период // Историко-педагогические чтения : мат-лы XXIII всерос. с междунар. участием науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2019. № 23. С. 53–57. (0,3 п. л.).

25. «Культурный» отдых советского человека: по материалам фотографий в отечественных СМИ послевоенного периода // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования : мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 162–165. (0,25 п. л.).